

Памяти Н. Н. Пузанова.

20-го августа текущего года, въ 6 часовъ вечера, послѣ упорной борьбы съ тяжелой болѣзнью (брюшной тифъ), скончался и. д. доцента Киевской духовной Академіи по кафедрѣ логики и метафизики Николай Никаноровичъ Пузановъ, заболѣвшій въ своей одинокой квартирѣ въ половинѣ іюля въ отсутствіе матери, товарищей и друзей, разлѣхавшихся на каникулы. Ни любовь матери, случайно пріѣхавшей изъ деревни къ уже заболѣвшему сыну, ни поочередныя леченія врачебнаго персонала академической больницы, куда въ концѣ іюля перевезли больного, ни заботы друзей не вырвали его изъ рукъ смерти. Всегда религіозный и христіански настроенный, Николай Никаноровичъ и умеръ по христіански: не одинъ разъ во время болѣзни онъ исповѣдался и причастился Св. Тайнъ, 18 августа былъ осoboрованъ, а 20-го, въ день смерти, былъ напутствованъ въ загробную жизнь чтеніемъ канона на исходъ души.

Сынъ священника Курской епархіи, покойный родился 4 апрѣля 1880 года, среднее образованіе получилъ въ мѣстной духовной семинаріи, высшее—въ Киевской Академіи, которую окончилъ въ 1905 году первымъ по списку кандидатомъ-магистрантомъ. На студенческой скамьѣ онъ обнаруживалъ особенное тяготѣніе къ изученію философіи и литературы; тогда же проявилъ онъ въ своихъ студенческихъ работахъ свойственную ему ясность мысли, соединявшуюся съ простотой и отчетливостью изложенія. Эти именно качества застали покойнаго профессора П. И. Линницкаго

И. Д. Доцента Киевской Духовной Академіи
НИКОЛАЙ НИКАНОРОВИЧЪ ПУЗАНОВЪ
(† 20 Августа 1909 года).

выдѣлить семѣстное сочиненіе Николая Никаноровича среди работъ его товарищей. Было у него сильное желаніе, перешедшее было уже и въ рѣшеніе, взять философскую тему для своего кандидатскаго сочиненія, но высокій взглядъ на требованія отъ философской работы, въ связи съ мнительностью относительно своихъ собственныхъ силъ, заставилъ покойнаго измѣнить первоначальное рѣшеніе: послѣ долгихъ и тяжелыхъ колебаній онъ остановился на темѣ по библейской исторіи, требовавшей, впрочемъ, не столько детальной разработки соответствующаго матеріала, сколько обобщенія и освѣщенія уже разработаннаго матеріала подъ однимъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія („Взаимоотношеніе началъ личности и общества въ религіозно-теократическомъ, семейно-бытовомъ и общественно-государственномъ строѣ древне-еврейской жизни“). Выборомъ темы предопредѣлился и предметъ спеціальныхъ занятій Николая Никаноровича въ стипендіатскій годъ: такимъ предметомъ была имъ избрана—не безъ новыхъ колебаній въ сторону философіи—библейская исторія. Впрочемъ, въ теченіе своего стипендіатскаго года Н. Н. нашелъ время составить и обработать для печати небольшой очеркъ о міросозерцаніи П. Я. Чадаева (по поводу пятидесятилѣтія со дня его смерти), который и былъ напечатанъ въ „Трудахъ Кіевск. Дух. Ак.“ за 1906 г. (№№ 5 и 6). Насколько знаемъ, Н. Н. съ любовью и живымъ интересомъ работалъ надъ этимъ очеркомъ, такъ что мы имѣемъ основаніе считать его показателемъ научно-литературныхъ симпатій автора и памятникомъ его работы въ сродной ему области. Вообще Николай Никаноровичъ очень интересовался судьбами философской и общественной мысли Россіи.

Конецъ стипендіатскаго года Н. Н. Пузанова совпалъ съ тяжелой утратой въ средѣ академической корпораціи: 12-го іюня 1906 года скончался П. И. Липицкій, безпрерывно въ теченіе 40 лѣтъ занимавшій кафедру философіи въ

Кіевской Академіи. Вопросъ о замѣщеніи освободившейся катедры, послѣ многихъ думъ и волненій, разрѣшился 31-го августа 1905 года избраніемъ на катедру логики и метафизики Н. Н. Пузанова. Хотя философія была предметомъ всегдашнихъ симпатій и тяготѣній Николая Никаноровича, однако покойный, всегда и неизмѣнно скромный въ своихъ стремленіяхъ и планахъ, не искалъ этой катедры, и, будучи на нее призванъ, принялъ высокое и отвѣтственное призваніе не безъ смущенія, подчиняясь авторитету Совѣта Академіи и находя ободреніе въ нравственной поддержкѣ своихъ новыхъ сослуживцевъ, и прежде цѣнившихъ ясную мысль Николая Никаноровича, а теперь, со времени встрѣчи съ нимъ на службѣ родной Академіи, увидавшихъ и оцѣнившихъ высокія качества его нравственной личности. Сразу же выяснилось, что въ лицѣ Николая Никаноровича Академія приобрѣла работника, самыми живыми нитями связаннаго съ своей родной Академіей и всей душой преданнаго ея интересамъ. Ему пришлось послужить своей almae matris въ переходный періодъ ея жизни, который онъ и пережилъ въ тѣсной и неразрывной связи съ нею. Онъ отдалъ ей не только свою ясную мысль, но и свое чистое сердце...

Не быстро, но вѣрно, ибо методически, завоевывалъ онъ ту научную область, къ спеціальному изученію и академическому преподаванію которой былъ призванъ, и хотя срочная работа надъ магистерскою диссертациею отвлекала его вниманіе и научную энергію въ сторону библейской исторіи, далекой отъ его спеціальности, все-таки онъ успѣлъ сдѣлать не мало въ области послѣдней, какъ показываютъ оставшіеся послѣ него рукописи. По самому складу ума боявшійся слишкомъ смѣлыхъ и потому не всегда основательныхъ построеній въ области философіи, онъ на первыхъ порахъ сосредоточилъ свое вниманіе на изученіи логики, чтобы затѣмъ, давши себѣ отчетъ въ методахъ научнаго изслѣдованія, перейти къ самостоятельнымъ философскимъ построеніямъ. Изученіе логики онъ велъ историческимъ методомъ, лучше всего пре-

достерегающимъ отъ всякаго рода произвола въ оцѣнкѣ различныхъ направленій. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внимательно слѣдилъ за современною литературой по логикѣ, мечтая, по напечатаніи и защитѣ магистерской диссертациі, незадолго до смерти автора рассмотреть и одобренной Совѣтомъ Академіи къ напечатанію, поѣхать въ заграничную командировку. Во всемъ этомъ сказывалась любовь покойнаго къ научнымъ занятіямъ, которая, въ связи съ ясностью его мысли и методичностью въ работѣ, давала его академическимъ сослуживцамъ твердое основаніе надѣяться, что онъ станетъ въ области своей специальности въ уровень съ современными научными требованіями. Смерть положила конецъ этимъ надеждамъ. Онъ умеръ на зарѣ своей жизни, оставивъ во всѣхъ, знавшихъ его, свѣтлую память о своей чрезвычайно симпатичной личности.

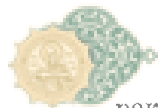
Это былъ человекъ весьма интеллигентный. Въ немъ въ высокой степени развитъ былъ интересъ и къ наукѣ, и къ искусству, выражавшійся въ любви къ книгамъ и художественнымъ изданіямъ, на пріобрѣтеніе которыхъ онъ умѣлъ удѣлять часть своего скуднаго заработка. О томъ же говорила и обстановка его скромной квартирки, въ которой онъ проживалъ вмѣстѣ съ матерью: единственнымъ ея украшеніемъ были письменный столъ, заваленный бумагами и книгами, да книжный шкафъ, наполненный тѣмъ же добромъ. Николай Никаноровичъ жилъ среди книгъ, но онъ вовсе не былъ ученымъ анахоретомъ: онъ любилъ общество, любилъ театръ, который охотно посѣщалъ, особенно въ обществѣ добрыхъ знакомыхъ. Вообще онъ былъ доступенъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ бытія, лишь бы они доходили до него въ чистыхъ, облагороженныхъ формахъ: грязь и пошлость жизни отскакивали отъ его чистой, цѣломудренной души ..

И его любили. И не мудрено: въ его обществѣ чувствовалось легко и свободно, потому что быть въ его обществѣ — это значило быть въ атмосферѣ полной искрен-

ности и неподдѣльной простоты. Ясность мысли была лишь частичнымъ выраженіемъ общей ясности его души, простой и искренней. Чуждый ходульности, приподнятости, искусственности въ области мысли, онъ такъ же чуждъ былъ ихъ и въ отношеніяхъ къ людямъ. Нельзя сказать, что онъ избѣгалъ фразы: ему не нужно было ея избѣгать, потому что она сама избѣгала его, ибо была органически противна его природѣ, какъ противна ей была и всякаго рода рѣзкость, тѣмъ болѣе грубость. Мягкій и деликатный, онъ предпочиталъ молчать, нежели говорить рѣзко или грубо. Но эта мягкость не имѣла ничего общаго съ нравственнымъ безразличіемъ. Нѣтъ, онъ обладалъ большою нравственной устойчивостью, степень которой соответствовала степени его нравственной чуткости. Вообще нерѣшительный, доступный колебаніямъ, онъ никогда не колебался въ вопросахъ нравственнаго порядка, и, вообще податливый, способный подчиняться чужому вліянію, онъ всегда оставался самимъ собою въ дѣлахъ совѣсти. Здѣсь онъ скорѣе велъ за собою, нежели шелъ за другими...

Вся сила любви къ почившему сказалась—вѣдомо ли для него?!—во время его болѣзни и при его погребеніи. Товарищи по школѣ, академическіе сослуживцы, знакомые—все съ тревогой слѣдили за ходомъ его болѣзни, а когда, послѣ безуспѣшной борьбы со смертью, его прахъ положили во гробъ, то молитвы Церкви объ упокоеніи его души въ царствѣ небесномъ соединялись съ слезами окружающихъ гробъ сродниковъ, друзей и знакомыхъ, и благоуханіе кадила смѣшалось съ ароматомъ цвѣтовъ, возложенныхъ на гробъ любящею рукой. Владыка Митрополитъ принялъ участіе въ отпѣваніи. Во время литургіи сказалъ слово доцентъ о. Николай Гроссу, а передъ отпѣваніемъ и во время отпѣванія сказаны были рѣчи ближайшимъ другомъ почившаго, доцентомъ В. Д. Поповымъ, и студентомъ 4-го курса А. А. Пурлевскимъ. На могилѣ говорилъ рѣчь Преосвященный Θεодосій,

ректоръ Академіи, сопровождавшій гробъ съ останками покойнаго до мѣста его послѣдняго упокоенія на верхнемъ кладбищѣ Флоровскаго монастыря, въ послѣдніе годы многихъ изъ академической семьи принявшемъ въ свои нѣдра. Любовь живыхъ украсила свѣжую могилу живыми цвѣтами. Есть основаніе думать, что она же украситъ ее ко дню годовщины со дня смерти Николая Никаноровича скромнымъ памятникомъ. Такъ любовь торжествуетъ надъ смертью. Она же, надѣмся, смягчитъ скорбь той, которая въ лицѣ незабвеннаго Николая Никаноровича потеряла своего послѣдняго сына, нѣжно любившаго свою мать, въ свою очередь ею нѣжно любимаго. Что жъ?! Любы николиже отпадетъ...

П. К.